

29 МАЯ 1966

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

МОСКВА

НА МАЛОЙ НИКИТСКОЙ...

Б. БЯЛИК

В ДОМ на Малой Никитской (ныне улица имени Качалова, дом № 6) в те годы каждый входил с глубоким волнением. Здесь для многих начиналась новая страница их жизни, здесь их ожидало то, чего они уже никогда не могли забыть. В этом доме в 1931—1936 годах жил Алексей Максимович Горький.

Наверное, это покажется странным началом разговора о мемориальном музее, если я скажу, что Алексею Максимовичу и дом этот, и обстановка в нем очень не нравились. Но было именно так. И все же когда Горький поселился в подготовленной для него квартире, он решил никаких особых перемен в ней не производить. Просто он не придавал этому большого значения.

Сейчас здесь немало предметов хранят на себе печать личности писателя, — они нам особенно дороги. Это — письменный стол, более высокий, чем обычные (больные легкие мешали Алексею Максимовичу наклоняться), садовые инструменты (у него до конца дней сохранилась привычка к физической работе: его любимым отдыхом была работа в саду). коллекция изделий китайских и японских резчиков по кости.

Фото Б. Виленкина

Вчера в Москве, в доме по ул. Качалова, 6, где Алексей Максимович Горький прожил последние годы жизни — с 14 мая 1931 года по июнь 1936 года, — состоялось торжественное открытие мемориального музея. Вступительное слово произнес заместитель директора Института мировой литературы им. А. М. Горького профессор В. Щербина. Затем к собравшимся обратился первый секретарь правления Союза писателей СССР К. Федин. На торжественном открытии выступили заместитель министра культуры СССР А. Кузнецов; испанская писательница Мария Тереса Леон, говорившая от своего имени и имени мужа, лауреата международной Ленинской премии Рафаэля Альберти; пакистанский поэт, лауреат международной Ленинской премии Фаиз Ахмад Фаиз; директор Музея-квартиры А. М. Горького М. Козьмин.

(он раздавал коллекции музеям или тем, кому они нужны были для работы, — последнюю не успел никому подарить) и т. д.

Среди этих «предметов» есть такие, которые представляют огромный интерес. Например, библиотека, тысячи томов, в том числе книги советских писателей, с пометками Алексея Максимовича, выражавшими восхищение и недовольство, согласие и протест. Он относился к книгам, как к живым существам: нередко спорил с ними (из некоторых реплик на полях погром вырастали целые критические статьи), нередко помогал им (он заботливо вписал в сборник Маяковского пропущенную при наборе строку «Облака в штанах», — по видимому, по памяти: он любил эту поэму)...

Сегодня надо вспомнить о том, как жил в доме на Малой Никитской великий писатель Горький. Как он здесь жил и работал... Впрочем, когда речь идет о Горьком, то понятия «жил» и «работал» становятся до того нераздельными, что странным начинает казаться между ними союз «и».

Близкие Алексея Максимовича рассказывают о распорядке его рабочего дня — поистине рабочего. Этот день начинался в 8 часов утра, когда Горький просматривал газеты, помечая статьи, которые надо читать, после работы за письменным столом, внимательно прочесть. А кончался этот день... Никто точно не знает, когда он кончался. Известно лишь, что в 11 часов вечера Алексей Максимович уходил в свой второй рабочий кабинет — в спальню, где его ждали пачки свежих номеров журналов и только что изданных книг. За письменным столом он проводил по 9—10 часов (в те годы продолжалась работа над «Жизнью Клима Самгина», писались пьесы «Егор Бulyчев и другие», «Достигай и другие», второй вариант «Вассы Железновой», рассказы, очерки, статьи — произведения, без которых сейчас невозможно представить историю мировой литературы). Но и остальное время было сугубо рабочим, — его заполняли встречи, беседы, совещания, заседания. Да, и заседания, но только творческие, только деловые, схожие по характеру (хороший это, между прочим, характер) с фронтовыми редакционными «летучками».

Дело в том, что дом на Малой Никитской был не только квартирой Алексея Максимовича, где он жил с семьей и где весело звенели голоса его внучек, и не только местом его литературной работы. Этот дом был в то же время постоянно и напряженно действующим редакционно-издательским «комбинатом». Горький возглавлял такие монументальные издания, как «История гражданской войны» и «История Фабрик и заводов», редактировал журналы «Наши достижения», «Ли-

тературная учба», «Колхозник», «СССР на стройке», «Зарубежом», и другие, руководил изданием книжных серий «Жизнь замечательных людей», «Библиотека поэта», «История молодого человека XIX столетия», альманахов «Од шестнадцатый», «Год семнадцатый» и т. д. И ни в одной из редакций он не состоял лишь номинально, никогда не позволяя называть себя «ответственным редактором», если не был ответственным редактором. В доме на Малой Никитской проводились заседания редакций, беседы с авторами, редактировались рукописи, читались корректуры.

Но, кроме того, этот дом был еще замечательным клубом, в котором писатели встречались с деятелями искусства и науки, с рабочими и колхозниками, с летчиками, парашютистами, комсомольцами, пионерами. «Вечера в доме Горького», — писал П. Павленко, — были школой огромного значения для нас, писателей. Столько бывало узнаешь за чаем или ужином, что потом и самому становится непонятно, как можно жить, не зная столь необходимых и необыкновенных вещей. Горький собирал ученых, писателей, живописцев, людей практической жизни, — это была академия узнавания, обмена опытом, академиядейских планов и проектов. Иные планы и проекты, родившиеся в этом доме, приносили замечательные результаты. Но о них надо писать целую книгу.

Иногда на Малую Никитскую наведывалось прошлое Алексея Максимовича, как бы приходя из дальней дали его легендарных жизненных университетов. Когда Горький писал свой замечательный рассказ «О первой любви», он был уверен, что герини уже нет в живых: так ему сообщили. Но сообщение оказалось ошибочным, — однажды она пришла на Малую Никитскую. Бывали и менее приятные встречи: сюда же явился однажды бывший «козырь казанской булочной», в которой так тяжело приходило подручному пекаря, юному Алеше Пешкову, — герой повести «Хозяин». тот самый, который когда-то говорил будущему писателю: «...хозяином тебе не быть.. Больно уж ты словесный... изойдешь, истрастишься на слова, и разнесет тебя ветром зря... никому без пользы.. Кто мою историю может знать? А у тебя — совсем еще нет истории.. да и не будет никакой!» Теперь мы знаем историю хозяина и историю работника.

Но прошлое приходило сюда изредка, а настояще — каждый день и каждый час со своими успехами и неудачами, радостями и сомнениями, с растущей тревогой за судьбу родной страны и всего человечества. В беседах Горького с Ролланом, с делегацией Международного объединения революционных писателей — Бехером, Гидашем, Джерманетто, Иллешом, с многими советскими писателями все громче звучала эта нота тревоги, вызванная фашистской опасностью. Здесь, в доме на Малой Никитской, был не только один из центров мировой культуры, но и один из боевых штабов международного антифашистского движения. Здесь было немало сделано для духовной мобилизации писателей, для того, чтобы впоследствии, в годы Великой Отечественной войны, советская литература могла совершить свой патриотический подвиг. И хотя Горького в те годы уже не было, дом на Малой Никитской должен быть по праву назван в числе тех крепостей, которые встали на пути фашистских полчищ.

...С глубоким волнением входили когда-то сотни людей в этот дом. С воением войдут сюда теперь тысячи и десятки тысяч.